

УДК 903.01

**В. С. Славинский, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко
Е. А. Казакова, К. И. Милютин**

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТОЯНКИ КОДА-3 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)*

Представлены разновременные материалы, полученные при раскопках стоянки Кода-3 (Кежемский р-н Красноярского края). Приводится описание погребального комплекса, технико-типологический анализ каменного инвентаря, керамики, изделий из кости и металла. Определяются хозяйственный тип стоянки и основные культурно-хронологические этапы ее функционирования (неолит – позднее Средневековье).

Ключевые слова: Ангара, неолит, ранняя бронза, каменный инвентарь, керамика, погребение.

Задача исследования и сохранения культурно-исторического наследия является основополагающей для археологической науки. Особенно актуальной она становится в случаях, когда возникают ситуации, связанные с возможностью полной и безвозвратной одномоментной утраты археологических объектов на больших территориях, что происходило и происходит при строительстве каскадов гидроэлектростанций на крупных сибирских реках (Енисей, Ангара, Обь). В настоящее время в среднем течении Ангары реализуется проект строительства Богучанской ГЭС, при этом в зону затопления попадает более 160 известных на настоящий момент археологических объектов. Памятники датируются широким хронологическим периодом: от каменного века (30–40 тыс. л. н.) до позднего Средневековья (XV–XVI вв.). Среди объектов археологического наследия представлены стоянки, могильники, памятники древнего наскального искусства. Стоянка Кода-3 является одним из таких объектов, и публикация его материалов, полученных в результате спасатель-

ных работ 2010 г., позволяет в какой-то мере сохранить этот комплекс для истории.

Памятник Кода-3 расположен в Кежемском р-не Красноярского края, в среднем течении Ангары, на ее правом берегу, в 4 км вверх по течению реки от створа строящейся Богучанской ГЭС и в 5,5 км к западу от устья р. Кода. Он локализован на 1-й надпойменной террасе Ангары с высотами 8–20 м от уровня реки. Экспозиция террасы южная. Координаты объекта – 58° 42' 20,05" с. ш., 99° 13' 58,97" в. д. Отметка абсолютных высот, к которым приурочен памятник, 148–160 м н. у. м. по Балтийской Системе Высот. Памятник Кода-3 многослойный, на нем представлены культурные слои, содержащие материалы различных эпох, включая неолит, бронзовый и железный века, а также Средневековье. Стоянка относится к ансамблю памятников Кода (стоянки Усть-Кода, Кода-1, Кода-2, Кода-3, Кода-4, могильник Кода).

История открытия и начального изучения кодинского ансамбля памятников связана с именем А. П. Окладникова. В 1932 г. Ир-

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766).

кутским краеведческим музеем совместно с Восточносибирским отделом Географического общества была организована Ангарская археологическая экспедиция, которую он возглавил. За 7 лет полевых работ (1932–1934, 1936–1940 гг.) экспедиция обследовала долину Ангары на всем ее протяжении от истока до устья. В районах Северного Приангарья А. П. Окладниковым в 1937 г. была предпринята масштабная водная археологическая разведка. В ее ходе открыто и вновь обследовано более 40 археологических объектов. Самое большое количество местонахождений А. П. Окладников обнаружил на участке Ангары от устья р. Ката до Мурского порога, в их числе и комплекс памятников, локализованных в районе устья р. Кода [Окладников, 1939]. Новый этап археологического изучения Северного Приангарья начался в 1950-е гг. и был связан со строительством каскада гидроэлектростанций на Ангаре. В зонах будущих водохранилищ и местах строительства гидроэлектростанций были развернуты широкомасштабные охранно-спасательные раскопные работы на археологических памятниках. В 1970–1972 гг. под руководством Г. И. Медведева были произведены обследование территории поселения Кода и стационарные раскопки у с. Кода и заимки Нижняя Кода. Обследование показало, что протяженность поселения по фронту террасы составило более 6 км, в связи с чем его территория условно была подразделена на пять пунктов: Усть-Кода, Кода-1, Кода-2, Кода-3 и Кода-4. Наибольшая концентрация подъемного материала зафиксирована в пунктах Кода-1, Кода-2 и Кода-3, при этом в устьевом участке неолитический материал зафиксирован на уровне четвертой надпойменной террасы Ангары. При проведении археологических работ в пункте Кода-3 был заложен раскоп площадью 114 кв. м, а также два раскопа площадью 32 и 39 кв. м в пункте Кода-2. Раскопки зафиксировали несколько культурных слоев и большое количество разнообразного археологического материала от палеолита до железного века. Было обнаружено и раскопано погребение, в погребальном сопроводительном инвентаре которого выявлены составные костяные рыболовные крючки китойского типа [Дроздов, Дементьев, 1974].

В 1976–1978, 1980–1982, 1985 гг. в этом районе работали археологические отряды Североангарской археологической экспеди-

ции КГПУ, которые осматривали и паспортизировали стоянки Тагара, Кода-1, Кода-2, Кода-3 и Кода-4, Усть-Кода, Проспихино, Пашина, Толокнянка-1 и Толокнянка-2, Осиновка-1 и Осиновка-2, Рожково, Остров Сосновый и могильник Кода. Во время этих изысканий на стоянке Кода-3 был заложен раскоп площадью 32 кв. м [Васильевский и др., 1988]. В 2001 г. на объектах кодинского ансамбля работала совместная экспедиция Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири ИАЭТ СО РАН и КГПУ, разведками которой были осмотрены стоянки Кода-2, Кода-3 и Кода-4 [Леонтьев и др., 2001]. Разведочные работы подтвердили наличие неолитического поселения и существование других разновозрастных комплексов. В 2006 г. экспедицией Красноярского госуниверситета под руководством П. В. Мандрыки проводились дополнительные разведочные изыскания на кодинских памятниках, в ходе которых был собран подъемный материал и сделано несколько зачисток. Разведка также подтвердила наличие разновозрастных комплексов [Мандрыка, 2007]. В 2007–2008 гг. в качестве предварительных охранно-спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС проводили работы экспедиции ИАЭТ СО РАН. Во время этих работ на стоянках Кода-3 и Усть-Кода была заложена серия шурфов, которые предварительно очертили площадь памятников [Зенин, 2009]. В 2008 г. на объекте проводились масштабные стационарные работы: тремя раскопами, на глубину до 0,8 м, была вскрыта площадь 800 кв. м, изучены два культурных слоя, отнесенные на основании стратиграфического и типологического деления керамического материала к эпохе палеометалла и неолита [Леонтьев, 2009].

Исследование памятника продолжилось в 2009 г. На сохранившейся части объекта было заложено 70 шурфов общей площадью 140 кв. м, перекрывающих площадь более 10 000 кв. м, что позволило уточнить границы незатронутых техногенными нарушениями участков стоянки Кода-3 и собственно площадь полностью и частично разрушенных (с переотложенным культурным слоем) техногенными, а также естественными процессами участков. Было установлено, что техногенным нарушениям подверглась большая площадь памятника. Более всего пострадали вышележащие слои

с материалами бронзового и железного веков. Слой неолита, который залегал глубже, также был потревожен, так как при использовании тяжелой техники техногенные нарушения достигали глубины в среднем 0,4 м, а на некоторых участках до 5 м.

В ходе археологических изысканий 2009 г. на памятнике Кода-3 была получена коллекция предметов, состоящая из 217 каменных артефактов и 72 фрагментов керамики.

Каменные изделия были представлены в основном сколами и отходами производства. Среди нуклеидных форм (6 экз.) три предмета относятся к типологически выраженным ядрищам – это призматический нуклеус для пластин и два плоскостных нуклеуса параллельного принципа раскалывания для отщепов. Орудийный набор (36 экз.) включает следующие категории: бифасиальные изделия – 6 экз., скребки – 3 экз., топор, вкладыш сложносоставного орудия, выемчатое изделие, нож, пластина с ретушью, отщепы с ретушью – 18 экз., фрагменты орудий со следами шлифовки – 4 экз.

Керамический комплекс, помимо не диагностируемых элементов, включает 28 орнаментированных фрагментов, в том числе одиннадцать венчиков. Имеющийся материал позволил говорить о присутствии в коллекции изделий, относящихся к серовской культуре (неолит), развитой бронзе и позднему Средневековью [Постнов, 2009].

В 2010 г. проводился заключительный этап спасательных работ на памятнике Кода-3, когда раскопом в 2 675 кв. м вскрывался наименее пострадавший от техногенного воздействия участок основной концентрации археологического материала. По завершению этих работ памятник был рекомендован к выводу из реестра археологических объектов.

Первая терраса (9–12 м), на которой расположен памятник, в долине Ангары выражена четко, а разрез ее обнажен лучше, чем у древних террас. Накопление аллювия террасы происходило в основном в сартанское время. Древесина из нижних слоев руслового аллювия 1-й террасы Чадобца имеет абсолютный возраст $24\,700 \pm 120$ лет (ГИН-162). Это позволяет предполагать, что 1-я терраса начала формироваться в конце каргинского времени. У с. Пашино в верхней части пойменной фации аллювия 1-й терра-

сы обнаружена неолитическая стоянка с комплексом находок, соответствующим серовской культуре. Таким образом, в отдельных пунктах 1-я терраса стала надпойменной только в середине голоцена, что и определяет ее верхнюю возрастную границу. Археологические материалы памятника Кода-3 залегают, главным образом, в покровных отложениях 1-й террасы, представленной супесчаной толщей эолового генезиса, реже отложения, включающие артефакты, имеют смешанный характер и представлены эоловыми и комплексом склоновых образований голоцена.

Раскоп 2010 г. был разбит на краю террасы Ангары, на относительно плоском вытянутом ее фрагменте и ориентирован вдоль среза террасового обрыва (СВ – ЮЗ). Данная поверхность представлена останцовой террасовидной плоскостью (нетронутый эрозией остаток 1-й надпойменной террасы), ограниченной с одной стороны террасовидным береговым уступом, а с других сторон в одном случае крутым, в остальных – относительно плавным понижением к плоскостям более низких геоморфологических уровней, сильно потревоженных современными техногенными процессами (лесосводная деятельность). В итоге раскопом была вскрыта вся площадь останцовой поверхности (235 м в длину и 10–15 м в ширину), что, видимо, соответствует основной площади распространения культурных отложений памятника.

Глубина раскопа 2010 г. от дневной поверхности варьирует от 0,4 до 2 м. Принципиальная стратиграфия вскрытых отложений была получена по отдельным, значительно углубленным участкам раскопа (10 контрольных шурфов, 2×2 м), где сверху вниз выделено четыре литологических подразделения.

Дерн имел мощность 0,03–0,05 м. Слой 1 – супесь темная, гумусированная. Включает растительный детрит, корни растений, мелкие угольки. Нижняя граница пологоволнистая субгоризонтальная, четкая. Генезис слоя – почвенный горизонт. Мощность – от 0,1 до 0,25 м. Археологический материал редок, встречается, как правило, в подошве слоя. Слой 2 – супесь средняя, в кровле слоя светло-коричневая, к подошве постепенно темнеет и приобретает красноватый и рыжеватый оттенки. Слой включает корни растений и их реликты, углистые пятна и от-

дельные угольки (следы естественных лесных пожаров). Новообразования представлены одной или несколькими линиями ожелезнения. Нижняя граница слоя извилистая, четкая. Генезис слоя – эоловый. Мощность варьируется в пределах 0,8–1,2 м. Археологический материал многочислен, залегает в кровле слоя, как правило, не глубже 0,2–0,3 м от его верхней границы. Слой 3 – песок тонкозернистый, ясно-слоистый, коричневый, с более темными и более светлыми прослоями. Генезис слоя – кровля пойменных отложений рек Ангара и Кода. Слой пройден на глубину 0,6–0,8 м. Археологический материал отсутствовал.

Основная часть полученного из раскопа археологического материала связана с кровлей слоя 2 и контактной зоной между ним и вышележащим литологическим подразделением (слой 1). Вместе с тем сложная стратиграфическая ситуация на памятнике, определяемая спецификой его формирования и дальнейшей историей (многократное эоловое перемещение песчаного грунта, вмещающего археологический материал, сезонная деятельность реки – высокие паводки, современные техногенные процессы, разрушающие культуросодержащие отложения), позволяет на данном этапе исследования рассматривать археологические материалы слоев 1 и 2 только в комплексе. Это связано с тем, что практически весь полученный археологический материал находился в перемещенном состоянии и его стратопланиграфическая позиция не позволила расчленивать находки по культурно-хронологическим группам, опираясь на их положение во вскрытых отложениях относительно простирания слоев, а также друг друга.

Исключение составляют отдельные сохранившиеся локальные многоэлементные археологические объекты, такие как погребение 1. Смешанный характер исследуемого комплекса предполагает сводный анализ всех полученных археологических материалов, с последующим выделением, на основе типологических, технических и других характеристик, из общего массива находок отдельных предметов и их комплексов, относящихся к строго определенному культурному или хронологическому интервалу (специфические формы каменных изделий, сосуды с характерной орнаментацией и т. д.). Это позволит определить основные этапы

проявления человеческой активности на территории кодинского ансамбля стоянок, установить культурную принадлежность обитавшего здесь древнего населения, а также очертить общие временные рамки существования памятника. Помимо искусственных сооружений (погребение и связанные с ним выкладки камней) во время раскопочных работ 2010 г. на памятнике Кода-3 было обнаружено два углубления (ямы). Данные планиграфии этих элементов, а также стратиграфические разрезы не позволяют предполагать их искусственное происхождение (отсутствие «плечиков», неровный контур очертаний и т. д.). Присутствие в рыхлом заполнении углублений большого количества разрозненных углей и отдельных участков со следами прокаливания, наряду с отсутствием каких-либо предметов, связанных с деятельностью человека (керамика, шлак, каменные артефакты), дают право определить эти ямы как естественные формы рельефа, возникшие вследствие выгорания леса на данной территории (пни, кустарники, отдельно стоящие деревья и т. д.).

В процессе археологических работ 2010 г. на памятнике Кода-3 с площади раскопа в 2 675 кв. м была получена коллекция артефактов (более 8,5 тыс. экз.). Материалы подразделяются следующим образом (экз.): находки керамики – 4 463, находки из камня – 4 077, из металла – 9, из кости – 10 (без учета костей погребения 1), образцы шлака – 30. При этом в слое 1 было обнаружено 455 экз. артефактов, в том числе: находки керамики – 346, находки из камня – 103, из металла (фрагменты неопределимых изделий из железа) – 2, из кости (небольшой неопределимый фрагмент) – 1, образцы шлака – 3. В слое 2 были обнаружены: находки керамики – 4 117, находки из камня – 3 974, из металла (четыре фрагмента неопределимых изделий из железа, бронзовый наконечник стрелы и две бронзовые бляшки из погребения 1) – 7, из кости (четыре фрагмента сложносоставного орудия изготовленного из рога (крюк ?), три неопределимых мелких фрагмента трубчатых костей и два зуба животных) – 9, образцы шлака – 27.

Погребальный комплекс 1 зафиксирован в слое 2, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности (рис. 1). Определить границы пятна не удалось из-за однородного состава заполнения ямы и окружающего

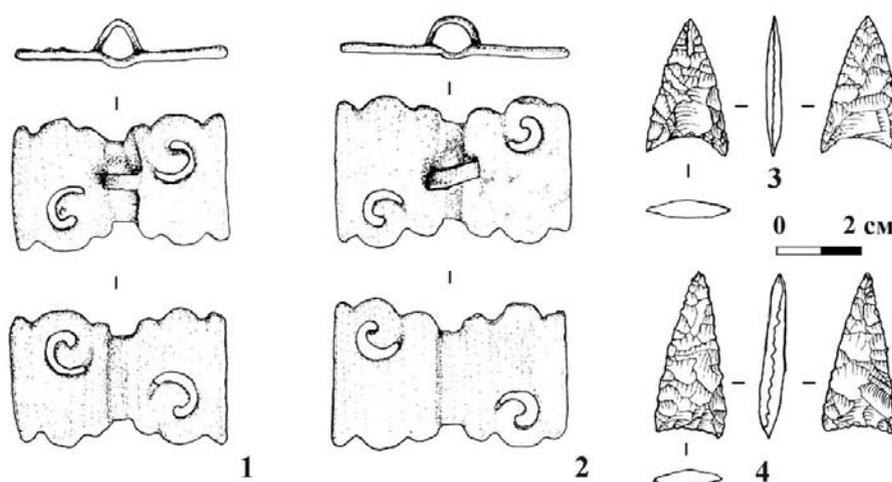

Рис. 1. Погребение из раскопа 2010 г. стоянки Кода-3: 1, 2 – бронзовые бляшки, 3, 4 – кремневые наконечники стрел

слоя. Погребение ориентировано по линии Ю – С и, вероятно, является единым комплексом с расположенными рядом двумя группами камней. Группы камней представляют собой небрежные выкладки, составленные из камней среднего и мелкого размеров, они располагаются на одном уровне относительно друг друга и на 0,2–0,3 м выше уровня залегания черепа, к северу от костяка, со смещением к востоку от продольной оси погребения (в 0,1 м от костей стоп погребенного). В 0,9 м к западу от скелета на том же уровне находится сравнительно крупный одиночный камень. Воз-

можно, камни являются остатками разрушенной каменной выкладки.

Зафиксировать границы ямы оказалось невозможно вследствие однородности слоя. На дне ямы, в основном *in situ*, в анатомическом порядке располагался скелет взрослого мужчины (30–40 лет). Судя по положению сохранившихся костей, погребенный был уложен на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута и положена на туловище. Все кости скелета имеют плохую сохранность, часть костей подверглась термическому воздействию

(наиболее сильно обожжены правые берцовая и берцовые). Отсутствуют кости кистей и стоп, позвонки, ребра, что объясняется в целом плохой сохранностью скелета.

Среди костей зафиксированы многочисленные крупные и мелкие фрагменты обожженной бересты, причем фрагменты располагаются непосредственно на костях (крупный сохранившийся фрагмент закрывал лицо). Вероятно, погребенный был накрыт берестяным покрывалом, которое могло обгореть как во время совершения обряда, так и во время низового лесного пожара.

В погребении также были найдены две бронзовые бабочковидные бляшки с сильно стилизованными изображениями грифонов (рис. 1, 1, 2). Обе бляшки располагались в районе головы, одна (более крупная) лежала на носовых косточках, вторая находилась несколько ниже, возле правой височной кости. Бляшки одинаковой формы, но разного размера, обе имеют с обратной стороны петельку для пришивания. За черепом обнаружен каменный наконечник стрелы, другой наконечник лежал на грудной клетке (рис. 1, 3, 4). Оба наконечника обращены остриями на восток. Подобные бронзовые бляшки зафиксированы в погребениях цэпаньской культуры, что позволяет предварительно отнести это захоронение к раннему железному веку.

Комплекс каменных артефактов в слое 1 представлен плоскостным нуклеусом параллельного принципа скалывания для отщепов, нуклеидными обломками (5 экз.), пластинами (5 экз.), микропластиной, отщепами (54 экз.), техническими сколами (6 экз.), обломками (8 экз.), осколками (4 экз.), чешуйками (8 экз.), гальками (2 экз.) и заготовками, неопределимыми вследствие интенсивной вторичной обработки (9 экз.). Орудийный набор (19 экз.) включает: бифасиальные изделия (2 экз.), наконечники стрел (3 экз.), скребок, скребок-нож, тесла (4 экз.), фрагмент топора, шиповидное изделие, зубчато-выемчатое изделие, отщеп с ретушью, заготовку неопределимого орудия, отбойники (2 экз.) и абразив.

В слое 2 каменные находки представлены клиновидными микронуклеусами (4 экз.), призматическими и карандашевидными нуклеусами для микропластин (4 экз.), призматическими нуклеусами для пластин

(8 экз.), торцовыми одноплощадочными монофронтальными ядрищами для пластин (2 экз.), радиальными, ортогональными и простыми одноплощадочными монофронтальными нуклеусами для отщепов (17 экз.), истощенными нуклеусами (6 экз.), нуклеидными обломками (67 экз.), пластинами (113 экз.), микропластинами (46 экз.), отщепами (1925 экз.), техническими сколами (187 экз.), среди которых есть несколько реберчатых пластин, обломками (186 экз.), осколками (130 экз.), чешуйками (1108 экз.), гальками (25 экз.), плитками (31 экз.) и заготовками, неопределимыми вследствие интенсивной вторичной обработки (115 экз.).

Орудийный набор представлен бифасами (7 экз.), бифасиальными изделиями (7 экз.), наконечниками стрел и копий (32 экз.), скреблами (12 экз.), скреблом-ножом, скребками (38 экз.), скребками-ножами (3 экз.), ножами (20 экз.), теслами (27 экз.), фрагментами тесел (4 экз.), топором, долотовидными изделиями (3 экз.), резцами (2 экз.), шиповидными изделиями (6 экз.), шильцем, остриями (2 экз.), перфораторами (2 экз.) (один, возможно, является проколкой-проверткой), зубчатыми изделиями (2 экз.), выемчатыми изделиями (8 экз.), зубчато-выемчатыми изделиями (3 экз.), вкладышем сложносоставного орудия, комбинированными формами (3 экз.) (скребло-скребок, скребок-зубчато-выемчатое, выемчатое-шиповидное), микропластиной с ретушью, пластинами с ретушью (9 экз.), отщепами с ретушью (53 экз.), обломками с ретушью (3 экз.), заготовками орудий неопределимого функционального назначения (19 экз.), фрагментами орудий (18 экз.), ретушерами (2 экз.), пестами (3 экз.), отбойниками (5 экз.), абразивами (6 экз.) и шлифованным рыболовным грузилом из гематита (рис. 2, 1).

Общий анализ артефактов позволяет сделать следующие выводы. Состав каменного сырья в коллекции достаточно разнообразен. Древним населением использовался кремнь различных цветовых оттенков, халцедон, алевролиты, песчаники разной степени окремненности и зернистости, сланцы, эффузивы и т. д. Сырьевой базой в основном служил галечный и обломочный материал, переносимый реками Ангара и Кода. Вместе с тем процентное соотношение изделий из кремня в коллекции не позволяет предполагать, что потребность в нем покры-

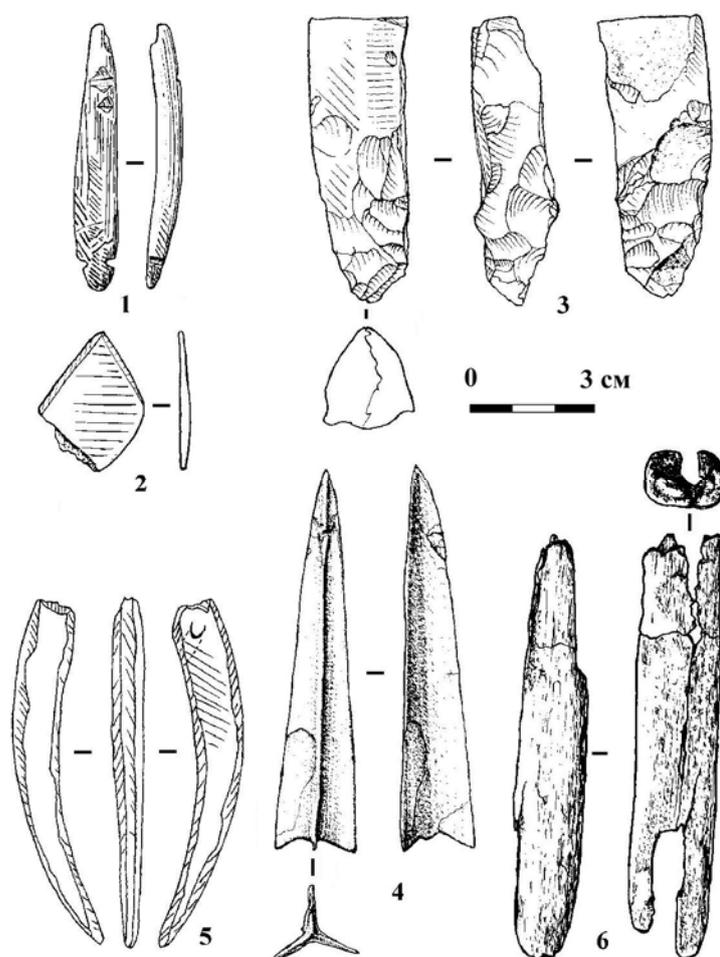

Рис. 2. Археологический материал из раскопа 2010 г. стоянки Кода-3: 1 – шлифованное грузило (гематит), 2 – шлифованный нож (нефрит), 3 – тесло «с ушками» (окремненный песчаник), 4 – бронзовый наконечник стрелы, 5, 6 – элементы составного крюка из рога

валась целиком из местных источников, так как присутствие кремня в аллювиальном материале крайне незначительно, по крайней мере, в настоящее время. Наиболее вероятным представляется предположение, что большая часть использовавшегося каменного сырья являлась результатом обменной деятельности или была принесена на стоянку из ныне несуществующих источников. Свидетельством, подтверждающим существование активных и территориально широких торгово-обменных связей, может служить присутствие в коллекции памятника единичных вещей, изготовленных из нефрита (рис. 2, 2), ближайшие источники которого находятся в Саянах, т. е. на удалении более чем 700 км. Кроме того, на неместный источник кремневого материала и соответственно его редкость и ценность указывает тенденция максимальной утилизации кремня. Так, большинство кремневых ядрищ находится в стадии исто-

щения и несет следы многократного переформления, а также его преимущественного использования в высокотехнологичном производстве (микронуклеусы, вкладыши составных орудий, наконечники, бифасы и т. д.).

Анализ первичного расщепления коллекции показывает его предпочтительную ориентацию на получение пластинчатых заготовок небольшого размера и микропластин. Об этом свидетельствует в первую очередь состав ядрищ, среди которых «пластинчатые» составляют 50 % и, как правило, сильно сработаны, а основная часть «отщеповых» форм либо находится в начальной стадии расщепления, либо, наоборот, является результатом крайней степени утилизации, когда имеющийся объем сырья или его внутренние дефекты не позволяли осуществлять далее регулярное пластинчатое скалывание и ядрище начинали использовать в режиме ситуационного расщепления до его

максимального срабатывания. Как правило, такой процесс характерен для нуклеусов из высококачественного кремня. Резкий контраст между количеством нуклеусов для пластин и количеством самих пластин в коллекции (около 8 %, если не учитывать отходы производства) предполагает их дальнейшее использование вне границ стоянки, т. е., являясь целевым продуктом первичного раскалывания, они практически в полном объеме использовались либо непосредственно (вкладыши, ножи), либо после переоформления и крайне редко выбрасывались.

На стоянке осуществлялся полный цикл расщепления от стадии отбора сырья и начального оформления ядрищ до вторичной отделки орудий. Об этом свидетельствуют довольно значительный процент естественных остаточных ударных площадок (6 %), присутствие галечной корки на 9 % предметов и значительный процент чешуек (25 %).

Большой процент технических сколов в коллекции (8 %) связан как с процессами начального оформления ядрищ, так и с частым их последующим переоформлением. Среди технических сколов преобладают сколы разжелвачивания и краевые, что также свидетельствует о том, что начальное оформление ядрищ часто происходило на территории стоянки. Кроме того, следует отметить наличие в коллекции нескольких небольших реберчатых пластин как дополнительного свидетельства широкого применения микрорасщепления.

Достаточно небольшой для постпалеолитического времени процент линейных и точечных остаточных ударных площадок (около 20 %), наряду с заметным присутствием двухгранных (около 8 %) и широких гладких, а также анализ ударных бугорков, свидетельствует о разнообразии приемов расщепления, когда наряду с отжимом активно использовались отбивные техники с применением разных видов отбойников.

Среди типов огранки дорсалов сколов преобладает параллельная и субпараллельная (37 %), однако почти также высок и процент продольно-поперечной (29 %). Для мелких сколов это может объясняться частым переоформлением ядрищ, в основном кремневых, в финальной стадии эксплуатации. Среди сколов крупных и средних размеров, которые составляют большую часть предметов с продольно-поперечной огран-

кой дорсалов, это связано с техникой оформления тесел, когда на начальном этапе брусковидная заготовка по всей поверхности предварительно обрабатывалась сериями снятий, имеющих четкую продольную или поперечную ориентацию.

Анализ орудийного набора демонстрирует доминирование в нем предметов, связанных с охотничьей деятельностью и деревообработкой. Наиболее заметный процент составляют тесла, наконечники, различные бифасиальные изделия, скребла, скребки и ножи. К сожалению, морфология предметов достаточно универсальна и мало меняется в рамках неолита – бронзового века, что не позволяет разделить коллекцию предметов внутри этого интервала. С некоторой долей уверенности можно лишь отнести к неолитической серовской культуре полукруглый шлифованный нож из сланца как элемент, часто встречающийся в погребениях этого времени [Окладников, 1976].

Наиболее показательной среди орудий является группа тесел, которая морфологически дробится на несколько основных подтипов, различающихся как по форме, так и по характеру обработки. Выделяются следующие категории: а) тесла «с ушками», удлиненные, сильно выпуклые в поперечном и продольном сечениях, вытянутые, оформлены сколами и ретушью с последующей обработкой поверхностей шлифовкой (рис. 2, 3); б) тесла удлиненные, трапециевидные в продольном сечении, вся поверхность сформирована шлифовкой, лезвие прямое; в) тесла удлиненные, трапециевидные в продольном сечении, оформлены широкими плоскими сколами и шлифовкой, распространяющейся на большую часть поверхности, лезвие слабовыпуклое, г) тесла удлиненные, сильно выпуклые в продольном и трапециевидные в поперечном сечении, лезвие и прилегающие к нему поверхности оформлены шлифовкой, средняя часть и обушок обработаны разнонаправленными сколами, лезвие слабо выпуклое, д) тесла узкие сильно удлиненные, прямоугольные в поперечном и трапециевидные в продольном сечении, оформлены разноразмерными широкими сколами, на отдельных участках шлифованы, лезвие узкое, слабо выпуклое, е) тесла сильно удлиненные, сильно выпуклые в продольном и поперечном сечении, оформлены сколами, лезвие полукруглое.

Анализ тесел показывает, что комплекс каменных артефактов стоянки Кода-3 включает большое количество морфологически разных групп этой категории изделий, отличающихся как по форме и размерам, так и по способам отделки. Хотя «все же не исключено, что вариации форм и величины... шлифованных каменных рубящих орудий зависели от разнообразия их конкретных функций, определялись характером выполнявшихся работ» [Окладников, 1978. С. 79], тем не менее, такое разнообразие в технике оформления лезвий и способах отделки поверхности тесел может, на наш взгляд, свидетельствовать и об их принадлежности к разным производственным традициям. К сожалению, в настоящее время для территории Приангарья отсутствуют корреляционные схемы, позволяющие соотнести какую-либо выделенную в материалах Коды-3 категорию тесел с определенной культурой неолита или более позднего времени.

Таким образом, общий анализ коллекции каменных артефактов, и в первую очередь характер орудийного набора, позволяет лишь утверждать ее разновременность и подтверждает присутствие в материалах памятника как неолитической, так и более поздних составляющих.

Представленные в составе орудий основные типы изделий и их процентное соотношение также свидетельствуют об активной промысловой, в основном охотничьей, деятельности, осуществлявшейся в древности населением данной территории, и о существовании здесь развитых традиций деревообработки.

Керамический комплекс, полученный при раскопках 2010 г. на памятнике Кода-3, включает 4463 фрагмента керамических сосудов. Имеющийся к настоящему времени керамический материал позволяет идентифицировать 54 сосуда различных культурно-хронологических периодов. Все материалы керамического комплекса отражают его специфику, связанную с длительным бытованием на территории Северного Приангарья определенной технологической традиции изготовления круглодонных лепных сосудов кострового обжига, изготовленных ленточным способом.

Керамический комплекс памятника Кода-3 включает в себя сосуды, относящиеся к неолиту, бронзовому веку, раннему железному веку и Средневековью.

К неолитическому комплексу (серовская культура) относятся 2 фрагмента круглодонных сосудов с оттисками по всей поверхности (рис. 3, 1, 2). Оттиски на первом сосуде несколько крупнее, но в целом имеют сходную форму. Отпечатки ткани или сетки на данных сосудах, видимо, нанесены специальным инструментом – лопаточкой, обмотанной тканью, либо просто куском ткани, прижатым ладонью.

К комплексу бронзового века относятся 16 крупных частей сосудов, восстановленных из развалов, и 23 отдельных фрагмента с орнаментом (рис. 3, 3–5). Они относятся к 39 гладкостенным сосудам, орнамент на которых локализован в районе венчика и верхней части сосуда, обращенной к зрителю.

К раннему железному веку относится сосуд с антропоморфным изображением и два фрагмента: венчик сосуда с широким налипным валиком и венчик сосуда с желобками (рис. 4, 1, 2). Данная керамика близка к цэпаньской культуре раннего железного века.

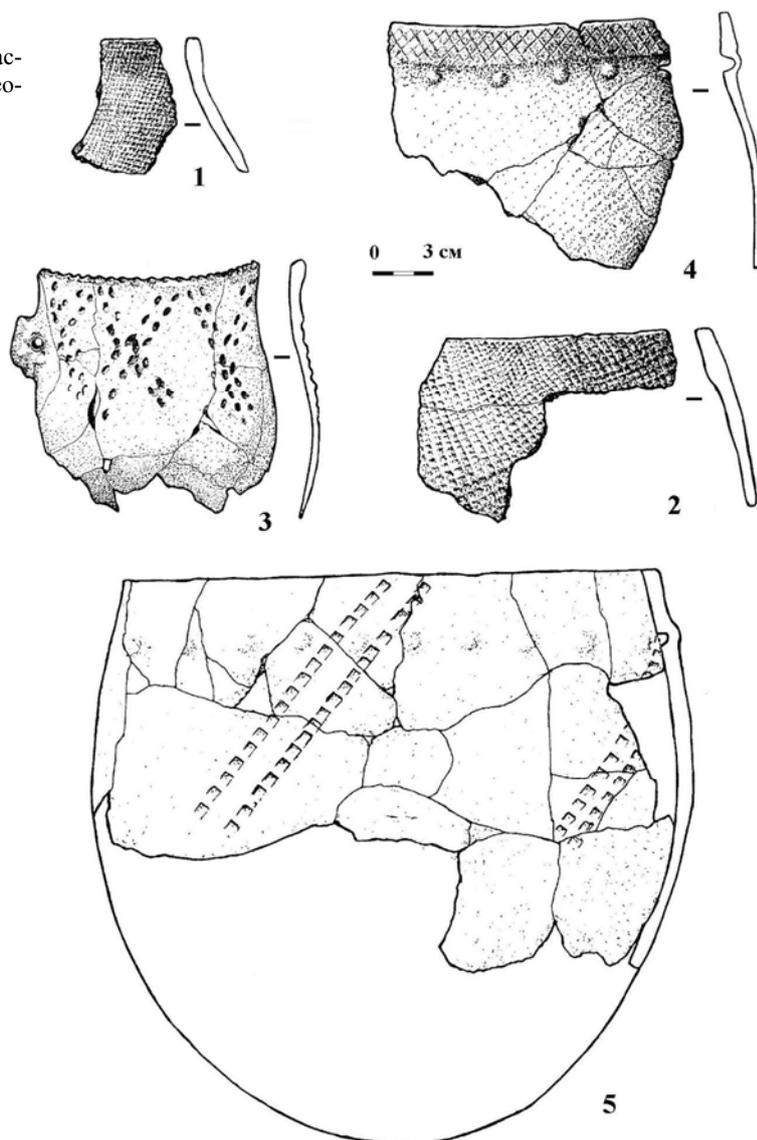
К раннему Средневековью относятся четыре круглодонных слабопрофилированных сосуда с обмазочными налипными валиками и отдельный фрагмент подобного сосуда (рис. 4, 3). Общими признаками для этого типа сосудов являются вытянутая яйцевидная форма тулова, слегка отогнутый наружу или прямой венчик, круглое дно и характер орнамента – обмазочные валики, покрывающие всю поверхность сосуда, за исключением дна.

Ко времени позднего Средневековья относятся два небольших сосуда (рис. 4, 4, 5). Первый сосуд со слегка отогнутым венчиком, рядом жемчужин и поясом из вертикальных оттисков. Второй сосуд представлен венчиком, по которому проходит пояс из четырех рядов ногтевых оттисков.

Коллекция металлических изделий с памятника Кода-3 представлена семью предметами (исключая две бронзовые бляшки из погребения). Это шесть мелких фрагментов изделий из железа, более точная идентификация которых не возможна, и бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, вероятнее всего относящийся к цэпаньскому времени (см. рис. 2, 4).

Костяной инвентарь представлен крупным составным крюком, выполненным из рога оленя и состоящим из трех элементов

Рис. 3. Керамический комплекс из раскопа 2010 г. стоянки Кода-3: 1, 2 – неолит, 3–5 – бронзовый век

(см. рис. 2, 5, 6), и заготовкой типологически близкого изделия также из рогового материала. Наиболее близкие аналогии с данными изделиями прослеживаются в инвентаре комплексов неолитического времени (серовская культура).

Находки остатков животных представлены единичными костями крупной териофауны и были распределены по всей площади раскопа без какой-либо закономерности. Среди остеологического материала определены коренной зуб крупного жвачного животного, клык взрослой особи бурого медведя (*Ursus arctos*), а также фрагменты трубчатых костей, не поддающиеся более точной идентификации.

Проведенные исследования на памятнике показали, что находки в раскопе располага-

лись относительно равномерно, с заметным уменьшением их количества к границам раскопа. Характер распределения находок свидетельствуют о многократном посещении территории памятника для различных производственных нужд. Памятник Кода-3 можно классифицировать как сезонную стоянку неолита и бронзового века. Свидетельства других эпох малочисленны и оставлены, видимо, в результате разовых посещений территории памятника, по крайней мере, в границах исследованной раскопом площади. Это же относится и к обнаруженному в раскопе одиночному погребению. Проведение планиграфического анализа не позволило выделить каких-либо жилищных структур на раскопанной площади. Отсутствуют котлованы жилищ, столбовые ямы,

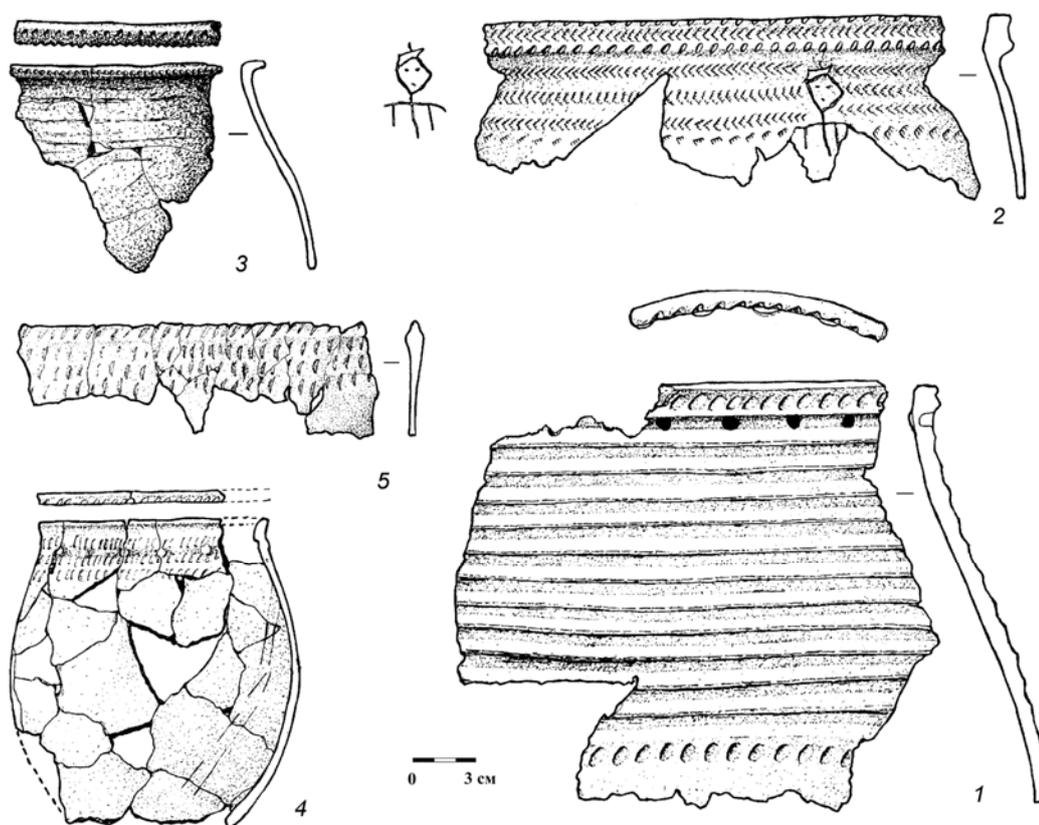

Рис. 4. Керамический комплекс из раскопа 2010 г. стоянки Кода-3: 1, 2 – ранний железный век (цзпаньская культура), 3 – раннее Средневековье, 4, 5 – позднее Средневековье

очаги. Скорее всего, это было место, занятое под разовые технологические площадки, представленные местами расщепления нуклеусов, а также для производства и подправки крупных орудий (топоры, тесла и т. д.). Обнаруженные в процессе раскопа многочисленные развалы сосудов также являются остатками жизнедеятельности, свидетельствующими о кратковременном посещении территории памятника – отсутствие в планиграфии системных признаков хранения и утилизации керамических сосудов, относительно большое расстояние между ними, отсутствие признаков их производства на месте, все керамические сосуды в той или иной степени имеют следы бытового использования.

Список литературы

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Се-

верного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 244 с.

Дроздов Н. И., Дементьев Д. И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1974. Вып. 1. С. 204–228.

Зенин А. Н. Отчет об археологических разведках на территории Кежемского района Красноярского края (в зоне затопления Богучанской ГЭС) в 2008 году. Отчет в ОПИ ИА РАН. Новосибирск, 2009. 747 с.

Леонтьев В. П. Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Кода-3 Кежемского района Красноярского края в 2008 году. Отчет в ОПИ ИА РАН. Новосибирск, 2009. 157 с.

Леонтьев В. П., Дроздов Н. И., Макулов В. И., Заика А. Л. Археологические исследования в зоне водохранилища Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий: Материалы IX Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 9. С. 350–353.

Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических разведок в Большемуртинском, Казачинском и Кежемском районах Красноярского края в 2006 г. Отчет в ОПИ ИА РАН. Красноярск, 2007. 201 с.

Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работ 1937 г. // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 181–186.

Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука, 1976. 327 с.

Окладников А. П. Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. 288 с.

Постнов А. В. Отчет об археологических раскопках неолитической стоянки Кода-3 Кежемского района Красноярского края в 2009 году. Отчет в ОПИ ИА РАН. Новосибирск, 2009. 565 с.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2012

V. S. Slavinsky, A. A. Anoykin, A. G. Rybalko, E. A. Kazakova, K. I. Milutin

THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF KODA-3 SITE (THE NORTHERN TRANS-ANGARA TERRITORY)

The paper describes the archaeological site of Coda-3 located in the Kejma Region in Krasnoyarsk Territory, Russia. The paper focuses the archaeological materials that have been recovered in the course of excavations in 2010. The features of deposition of artifacts are described and the technical-typological characteristics of the recovered archaeological complexes are determined. On the basis of the analyzed data, primary cultural-chronological stages of accumulation of artifacts have been established (Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age and Middle Ages).

Keywords: Angara river, Neolithic, Bronze Age, lithic industry, ceramic, bone artifacts, burial.